
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№5 май, 2025

Ежемесячное научное издание

«Редакция Евразийского научного журнала»
Санкт-Петербург 2025

(ISSN) 2410-7255

Евразийский научный журнал
№5 май, 2025

Ежемесячное научное издание.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-64058 от 25 декабря 2015 г.

Адрес редакции:
192242, г. Санкт-Петербург, ул. Будапештская, д. 11
E-mail: info@journalPro.ru

Главный редактор Золотарева Софья Андреевна

Адрес страницы в сети Интернет: journalPro.ru

Публикуемые статьи рецензируются
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей
Ответственность за достоверность изложенной в статьях информации
несут авторы
Работы публикуются в авторской редакции
При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Авторы статей, 2025
© Редакция Евразийского научного журнала, 2025

Содержание

Содержание	3
Исторические науки	4
История, художественная литература и человеческое время: историческое воображение и ответственность историка	4
Филологические науки	17
Русское слово как фактор интеграции народов и культур в условиях глобализации	17
Педагогические науки	19
Использование искусственного интеллекта для организации этапа активного целеполагания на уроках немецкого языка в начальной и средней школе	19
К проблеме развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов лингвистических специальностей	21
Технические науки	24
Локальный inference крупных языковых моделей: производительность, память и применимость	24
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО МАГНИТОМЕТРИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА ЧЕРЕЗ ВОДНЫЕ ПРЕГРАДЫ	28
Экономические науки	30
ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКТИВОВ В ПАО «РОСНЕФТЬ»	30
Оптимизация учета и оценки оборотных активов	34

История, художественная литература и человеческое время: историческое воображение и ответственность историка

Рухлядев Дмитрий Владимирович

Научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, г. Москва E-mail: rukhladev@mail.ru

ДЭВИД КАРР

Keywords: history, fiction, imagination, human time, positivism, structuralism, narrative, representation of reality, literary genre, historical discourse

Ключевые слова: история, художественная литература, воображение, человеческое время, позитивизм, структурализм, нарратив, репрезентация реальности, литературный жанр, исторический дискурс

D. Carr

History, Fiction, and Human Time: Historical Imagination and Historical Responsibility

David Carr in his article responds to recent moves to dilute the distinction between history and fiction, which according to him would undermine the historian's obligation to truth. He points out three presuppositions that lie behind such a tendency. The first assumes that narrative is not cognitive, the second that knowledge and imagination are distinct, separate, and unrelated faculties/functions, and the third that the only reality is physical reality. In the process of countering each of these basic claims, he points out how such «post-structuralist» assumptions share much with the discredited positivist view of reality that they are supposed to reject. Appealing to a phenomenological understanding of «lived» time as opposed to purely successive time, Carr defends the ability of historical narrative to give us a plausible account of how events in the past really happened, and consequently the ability of historians to fulfill the moral obligations of their discipline.

Д. Карр

История, художественная литература и человеческое время: историческое воображение и ответственность историка

Дэвид Карр в своей статье выступает против современных попыток размывания границы между историей и художественной литературой, которые, по его мнению, подрывают обязанность историка быть правдивым. Он указывает на три допущения, которые лежат в основе этой тенденции. Первое из них предполагает, что нарратив не сообщает нам адекватного знания, второе – что знание и воображение представляют собой различные, отдельные и никак не связанные способности/функции и третье, что единственная реальность – это физическая реальность. Оспаривая каждое из этих утверждений, он указывает, что такие «постструктуралистские» допущения имеют много общего с дискредитированным позитивистским взглядом на реальность, который они, казалось бы, должны опровергать. Опираясь на феноменологическое понимание «прожитого» времени, противопоставляемого чисто последовательному времени, Карр защищает способность исторического нарратива предоставлять достоверный отчёт о том, как на самом деле происходили события в прошлом, и, следовательно, способность историков выполнять моральные обязательства своей науки.

Большинство людей полагает, что историк обязан говорить правду о прошлом. Это одно

из условий, которые отличают историка от автора художественной литературы, который не обязан этого делать. Но что если мы в принципе не можем разделить историю от литературы? В таком случае обязанность историка сообщать правду о прошлом становится в принципе невыполнимой.

Рассмотрим различие между историей и художественной литературой. С точки зрения жанрового деления они обычно считаются взаимоисключающими: история рассказывает о событиях, реально случившихся в прошлом, а художественная литература изображает события вымышленные, то есть такие, которые вообще никогда не происходили. Однако этот критерий был недавно поставлен под сомнение некоторыми теоретиками литературы и философами истории. Что послужило причиной этому сомнению?

Почему он начал терять свою отчетливость, станет ясно, если мы взглянем на произведения, считающиеся художественными. В последнее время некоторые беллетристы (например, Э. Л. Доктороу и Дон Делилло) нарушили границы традиционных жанров, начав приписывать реальным историческим персонажам вымышленные действия. Но даже во вполне традиционной художественной литературе вымышленные события романов (а также пьес и фильмов) часто происходят на фоне реальных мест и реальных исторических событий. Таким образом, многие произведения, считающиеся художественными, на деле содержат элементы истории. Это неопровержимый факт, и мало кто, включая беллетристов, станет с ним спорить.

Однако гораздо более спорным является обратное утверждение, что история неизбежно содержит в себе элементы художественности. Большинство историков с этим, вероятно, не согласится. Оправдано ли подобное утверждение? Вот вопрос, на который мне хотелось бы ответить ниже. Если приведенное утверждение верно, оно может привести к заключению, что различие между историей и художественной литературой должно быть упразднено, и историк не обязан говорить правду о прошлом. Что, на мой взгляд, было бы ошибкой. Исследовав данное утверждение в рамках соответствующего контекста, я постараюсь показать, что оно, хотя и выглядит логичным, основывается на ряде заблуждений и в конечном итоге несостоятельно.

I. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ?

Точка зрения, которую мне хотелось бы рассмотреть, обычно ассоциируется с французским постструктурализмом и скептическим отношением к возможностям языка обозначать что-либо в реальном мире. Однако наиболее значимые суждения об истории и художественной литературе содержатся в недавних работах Хейдена Уайта (который не является французом) и Поля Рикёра (который не является постструктуралистом). Их истоки можно проследить в идеях некоторых теоретиков 1960-х гг., открывших или заново обнаруживших для себя тот факт, что история является литературным жанром.

В очерке «Исторический дискурс» [1] Ролан Барт, один из основоположников постструктурализма, критически пересмотрел традиционное противопоставление художественных и исторических нарративов и задался вопросом: «Существует ли на самом деле какое-либо специфическое различие между фактуальным и вымышленным нарративами, какой-либо лингвистический признак, по которому мы можем выделить, с одной стороны, тип повествования, соответствующий рассказу об исторических событиях, ... и, с другой стороны, тип повествования, соответствующего эпосу, роману или драме?». Он пришел к отрицательному ответу на этот вопрос и заключил, что «исторический дискурс, взятый только в аспекте своей структуры, без учета содержания, представляет собой по сути продукт идеологии или, точнее, воображения».

Луис О. Минк, современный Барту американский теоретик, чьи работы оказали влияние как на Хейдена Уайта, так и на Поля Рикёра, пришел к аналогичному выводу: «Нарративная форма, как

в истории, так и в художественной литературе, является искусственным приемом, продуктом индивидуального воображения». Как таковая она «не может обосновать свои претензии на истину с помощью общепринятой процедуры аргументации или идентификации» [2]. Хейден Уайт, исследуя «Значение нарративной структуры в репрезентации реальности» [3], пришел к выводу, что ее значение «основывается на желании заставить реальные события сложиться в связную, целостную, полную и замкнутую картину жизни, которая может быть только вымышленной».

Поль Рикёр в работе «Время и рассказ» [4], хотя и не пытается стереть различие между историей и художественной литературой, говорит об их «перекрещивании» (*entrecroisement*) в том смысле, что они обе «пользуются» (*se sert*) приемами друг друга. Рассуждая о «беллетризации» (*fictionalization*) истории», он говорит о том, что история использует средства художественной литературы, чтобы «перестроить» (*refigure*) или «переструктурировать» (*restructure*) время путем введения нарративных контуров в ненарративное время природы. Именно акт воображения (*se figurer que...*) «вписывает прожитое время (время с настоящим) в чисто последовательное время (время без настоящего)». Используя «опосредующую роль воображения», нарратив открывает перед нами «царство как если бы». В этом и состоит элемент художественности в истории.

Помимо собственно художественной литературы, двумя другими важнейшими понятиями в процитированных отрывках являются *нарратив* и *воображение* (или *воображаемое*). Если мы хотим дать оценку подобным взглядам на взаимоотношения истории и художественной литературы, необходимо проанализировать эти понятия и их комбинации в рассматриваемых нами теориях. Ясно, что некоторым образом они коренятся в осознании того, что мы можем назвать, в самом широком смысле, «литературными» аспектами исторического дискурса.

Однако перед тем как мы сможем оценить их значение, посмотрим, что в философии истории предшествовало этим дискуссиям. Процитированные нами авторы в своих трудах выразили реакцию на позитивистскую концепцию истории, возникшую в XIX в. и успешно сохранившуюся, несмотря на многочисленные нападки, в XX веке. Вплоть до эпохи позднего Просвещения история обычно воспринималась как литературный жанр, ценный скорее в силу моральных и практических уроков, которые она позволяла извлекать из событий прошлого, чем в силу точности изображения событий. Лишь в XIX в., сначала в Германии, история приобрела репутацию и признаки академической дисциплины, или *Wissenschaft*, оснащенной целым комплексом критических методов оценки источников и проверки их сведений. Великий Леопольд фон Ранке открыто отрекся от старого лозунга *historia magistra vitae* («история – учительница жизни») и заявил, что задача истории – просто описывать прошлое *wie es eigentlich gewesen* – как оно было на самом деле [5].

Начиная с момента своего утверждения в качестве академической науки история старалась поддерживать респектабельный облик «научной» (*scientific*) дисциплины (по крайней мере, в смысле немецкой *Wissenschaft*) и преуменьшать литературные черты своего дискурса. С подъемом в XX в. так называемых социальных наук (социологии, антропологии, экономики, политологии) многие историки стремились занять среди них свое место, заимствуя у этих наук количественные методы исследования и применяя их к событиям прошлого. Первый шаг в этом направлении в 1930-е годы сделала французская школа «Анналов». Тем временем в философии неопозитивизм, выступая как движение за «единство науки», попытался инкорпорировать историю в состав науки, утверждая, что ее способы объяснения уподобляемы или, точнее, могут и, следовательно, должны быть уподоблены методам объяснения естественных наук [6].

Но эти попытки превратить историю в науку никогда не были особенно убедительными. История никогда на практике не достигала того уровня «объективности» и единства мнений, который гуманитарии приписывают естественным наукам и которому завидуют. Она не была поглощена целиком и социальными науками, которые так или иначе сами никогда вполне

не соответствовали собственным научным претензиям. Те, кто выступают против попыток интегрировать историю в сферу науки, отмечают три взаимосвязанные отличительные черты исторического дискурса, которые составляют его специфику: во-первых, история имеет дело с индивидуальными событиями и последовательностями событий просто ради них самих, а не для того, чтобы вывести из них общие законы (то есть она имеет скорее идеографический, чем номотетический характер); во-вторых, объяснить исторические события часто значит скорее понять субъективные мысли, чувства и намерения личностей — участников этих событий, нежели объяснить внешние события внешними причинами («понимание» вместо «объяснения»); в-третьих, рассказывать о последовательности событий указанным образом, со ссылкой на намерения действующих лиц, значит разворачивать их в нарративной форме или, иными словами, рассказывать истории (*stories*) о них.

С точки зрения позитивистов это как раз те черты, которые история должна попытаться подавить или преодолеть в себе ради того, чтобы стать подлинно научной дисциплиной. Историки школы «Анналов» и их последователи в некоторой степени попытались справиться с этой задачей: сместив фокус исследования от личностей и их действий к экономическим факторам глубинной структуры и долговременным процессам социальных перемен, они создали тип дискурса, который кажется весьма отличным от традиционного исторического. Однако нарративная история никогда не исчезала и те, кто выступал против позитивистского взгляда, утверждали, что даже если социальную и экономическую историю можно избавить от традиционной формы «рассказывания историй», она все-таки будет нуждаться в дополнении нарративными отчетами со стороны сознательных субъектов. Отвергая требование ассимиляции истории социальными (или даже естественными) науками, многие из противников позитивизма утверждали, что нарративный дискурс истории представляет собой совершенно самостоятельную форму познания и тип объяснения, наилучшим образом соответствующий нашему пониманию человеческого прошлого. Действительно, начиная с Дильтея и неокантианцев в конце XIX в., мощное антипозитивистское движение отказывалось принимать естественные и даже социальные науки в качестве образца для дисциплин, имеющих дело с событиями и действиями в мире людей, настаивая на автономности и респектабельности знания, основанного на понимании действий сознательных человеческих субъектов, которое представляет свои результаты в форме нарратива.

Как вписываются в эту картину Барт, Минк, Уайт и Рикёр? Они появляются на сцене в тот момент, когда нарративная форма в целом и ее роль в истории в частности активно дискутировались. Именно этот признак истории (нарративность) привлек их основное внимание, и по крайней мере Уайт и Рикёр утверждали, что история всегда по сути своей нарративна, даже тогда, когда она пытается освободиться от своих «рассказывательных» признаков [7]. В то же время они продолжали думать об истории как о чем-то таком, что отстаивает свою способность «репрезентировать» прошлое, «как оно было на самом деле», то есть наделяет результаты своего исследования «научным» статусом. С их точки зрения, эти претензии несостоятельны в свете нарративного характера исторического дискурса. Почему?

Приведенные выше цитаты показывают, что для их авторов нарратив, будучи актом рассказывания, не годится для передачи реальных событий. Рассказ связывает человеческие действия и опыт в единое целое, которому присущи (по словам Аристотеля) начало, середина и конец. Критерии рассказа имеют эстетический, а не научный характер. Это художественный акт творчества, а не репрезентация чего-то данного. Отсюда следует, что нарратив по-настоящему комфортно чувствует себя в художественной литературе, которая не претендует на изображение реального мира. Когда нарратив используется в дисциплине, целью которой является изображение реального мира, он попадает под подозрение. А если, подобно истории, он имеет дело с реальностью, которая уже недоступна для прямого наблюдения, — то есть с прошлым —

он становится подозрительным вдвойне. Ведь всегда остается опасение, что он репрезентирует вещи не такими, какими они были в действительности, а такими, какими они должны были быть для того, чтобы соответствовать требованиям хорошего рассказа.

Хуже того, – история может подчиняться не только эстетическим, но также политическим и идеологическим нормам. Все мы знаем, как используют историю авторитарные режимы. В нашем обществе история, даже если она по-прежнему говорит традиционным нарративным языком, часто облачается в престижные одеяния академической дисциплины, претендующей на то, что она возвестит истину о прошлом, – то есть не вымысел, а факты. Однако, будучи нарративом, она, согласно процитированным выше авторам, более не может на это рассчитывать. Историю следует рассматривать, самое большее, как смесь вымысла и факта, а быть может, стоит вообще усомниться в существовании различия между художественной и нехудожественной литературой.

II. ОТВЕТ

Мы кратко обрисовали критику, ставящую под сомнение различие между историей и художественной литературой. Теперь пора ответить на нее.

Первое, что нужно отметить, это то, что данная критика ставит своих адептов, по-видимому непреднамеренно, в один ряд с позитивистами. Барт, Минк и другие делают акцент на тех признаках исторического дискурса, которые отличают его от научного объяснения, но вместо того, чтобы защищать историю как вполне оправданный тип познавательной деятельности, они подвергают сомнению ее претензии на когнитивность. Для позитивистов история может стать респектабельной формой знания только в том случае, если она сбросит с себя «литературное» платье и заменит рассказывание историй причинным объяснением. Точно так же и для рассматриваемых нами авторов именно литературная форма истории является основным препятствием для ее претензий на знание.

Единство мнений с позитивистами не обязательно плохо, поскольку теория не может быть отвергнута лишь в силу ассоциаций. На деле, однако, это единство берет свое начало в целом ряде молчаливых допущений, которые новейшие теории разделяют (и снова непреднамеренно) с позитивистами, – допущений в лучшем случае сомнительных. Они касаются трех основных понятий, которые (в сочетании друг с другом) составляют ядро критики, настаивающей на упразднении различия между историей и художественной литературой, а именно – *нарратива*, *воображения* и собственно *художественной литературы*. Они также могут быть представлены как допущения о том, что такое реальность, знание и художественная литература.

Первое допущение касается мнимого противопоставления нарратива и реальности, которую он должен изображать. В рассказах события изображаются встроенными в рамочную конструкцию с началом, серединой и концом, фабульной структурой, намерениями и непреднамеренными последствиями, поворотами фортуны, счастливыми и несчастными финалами, общей связностью текста, в котором каждому элементу находится свое место. Реальность же, говорят нам, – совсем другая. В реальном мире события просто происходят одно за другим в последовательности, которая нам может показаться беспорядочной, но на деле строго детерминирована причинными законами. Разумеется, такая реальность не имеет никакого сходства с нарративной формой, и, следовательно, нарратив выглядит совершенно непригодным для ее описания. Получается, что рассказывание накладывает на реальность абсолютно чуждую для нее форму. Понимаемый таким образом, – исключительно с точки зрения его структуры, нарратив выглядит неизбежно искажающим реальность.

Второе негласное допущение данной точки зрения, как мне кажется, утверждает строгое противопоставление между знанием и воображением. Знание – это пассивное зеркальное

отражение реальности. Воображение же, напротив, есть нечто активное и творческое, и если оно начинает участвовать в процессе познания и активно создает что-либо в ходе этого процесса, то результат подобного познания уже нельзя квалифицировать как знание.

Третье допущение заключается в том, что на самом деле не существует никакой разницы между художественной литературой и ложным утверждением, или фальсификацией. История и другие гуманитарные дисциплины оказываются повинны в том, что сознательно или бессознательно представляют нам скорее ложную, нежели истинную картину мира. Вот почему их называют беллетристическими дисциплинами и считается, что они содержат художественные элементы.

Теперь предлагаю рассмотреть эти три допущения в обратном порядке.

1. Художественная литература и ложное утверждение

Прежде всего, надо сказать, что использование термина «художественная литература» для обозначения ложного утверждения порождает понятийную путаницу, которую следует устранить прежде, чем мы приступим к дальнейшим рассуждениям. Ложное утверждение может представлять собой сознательное утверждение неправды – то есть лжи – или быть просто ошибкой. Литература, как мы обычно ее понимаем, не является ни ложью, ни ошибкой, так как не претендует на репрезентацию реальности. Романы, пьесы и фильмы в основном изображают людей, которые никогда не существовали, и события, которые никогда не происходили. Более того, это осознается как их авторами, так и аудиторией. Поистине удивительно, что, несмотря на наличие у нас этого знания, мы эмоционально сопереживаем жизни вымышленных персонажей. Однако в художественной литературе не утверждается какой-либо неправды, по крайней мере в том смысле, в каком кто-либо заблуждается, обманывается или становится жертвой обмана. В определенном смысле в рамках литературы вопрос об истине или лжи просто не возникает.

Разумеется, вопрос об истине в художественном повествовании может возникнуть на других уровнях: литература может более или менее походить на жизнь, то есть быть правдивой или правдоподобной. Если литература правдива в этом смысле, мы говорим, что она изображает вещи такими, *какими они могли бы быть*, даже если мы при этом знаем (или предполагаем), что они таковыми не были. На более высоком уровне литература может быть правдива в том смысле, что в ней переданы, – возможно, не напрямую – истины об условиях человеческого существования, об искусстве или природе в целом. Причем литература может быть как правдива в обоих этих смыслах, так и ложна. Но истина и ложь в этих смыслах не имеют отношения к реальности изображаемых людей и событий.

Можем ли мы сказать, что высказывания в художественном повествовании не являются ложными в буквальном смысле? Некоторые высказывания *внутри* художественного повествования, как уже было отмечено, таковыми безусловно не являются. (Например: «Поздней осенью в Лондоне обычно стоит туман»). Но даже явно художественное высказывание, – например: «В пятницу после полудня поздней осенью 1887 г. высокий мужчина, глубоко погруженный в свои раздумья, перешел Лондонский мост», – может, по случайному стечению обстоятельств, оказаться истинным. Тем не менее в рамках данного контекста оно по-прежнему будет оставаться художественным. Почему? Как мы различаем художественное и нехудожественное? Джон Сёрл, анализируя «Логический статус художественного дискурса» [8], сравнивая жанры журналистского репортажа и романа, пришел к выводу, что «не существует никакого свойства текста, синтаксического или семантического, которое позволило бы идентифицировать текст как художественное произведение». Напротив, критерий идентификации текста «с необходимостью должен заключаться в иллокутивных намерениях автора», то есть в том, чего именно автор пытался достичь с помощью данного текста. Намерения эти обычно фиксируются за пределами собственно

текста, — например, путем присвоения ему жанрового определения «роман», в противоположность, скажем, мемуарам, автобиографии или истории. Эти определения указывают читателю, каким образом следует воспринимать высказывания в тексте, и стоит ли поднимать вопрос об их истинности или ложности. Сравним точку зрения Сёрла с приведенной выше цитатой из Барта. Когда Барт задается вопросом, существует ли какой-либо «лингвистический» признак, с помощью которого мы можем отличить исторический дискурс от художественного, он имеет в виду нечто, что Сёрл называет «синтаксическим или семантическим» свойством. Сёрл соглашается с Бартом в том, что такого признака не существует. Однако Барт в типично структуралистской манере игнорирует такие экстратекстуальные факторы, как намерения автора и общее конвенциональное оформление текста, в которых для Сёрла и заключается основное различие.

Таким образом, критерий различия художественного и нехудожественного текста заключается не в том, что первый состоит по преимуществу из неистинных высказываний, а, скорее, в том, что эти высказывания были *задуманы* автором как неистинные, не должны *восприниматься* как истинные и в действительности не воспринимаются аудиторией как истинные. Если какой-либо персонаж романа напоминает реальное лицо или даже если он изображен совершающим те же самые поступки, что и реальное лицо, мы можем сказать, что этот роман «основан на реальной истории», или даже что это сходство — результат удивительного совпадения. Но мы не будем переводить этот роман в категорию нехудожественной литературы. Возьмем обратный пример. Стерлинг Сигрейв в своем недавнем историческом исследовании, посвященном китайской императрице Цы Си [9], отзывается о предыдущих исследованиях по этой теме как столь превратных и ошибочных, что их авторы даже приписывали императрице поступки совершенно другого человека, так что нам приходится сделать вывод, что вообще не *существовало* человека, совершившего то, что там написано. Но переставим ли мы эти произведения на полку беллетристики? Разумеется, нет: они остаются историей, пусть даже и очень плохой историей.

Когда утверждают, что история содержит элементы художественности, или даже подвергают сомнению само существование границы между исторической и художественной литературой, это, конечно же, не означает, что исторический текст содержит высказывания, о которых историки и их аудитория *знают*, что они относятся к событиям, никогда не происходившим, или такие высказывания, истинность или ложность которых не играет никакой роли. Намерение историка, безусловно, состоит в том, чтобы говорить о реальных людях и событиях и сообщать нам правду о них. Если первое допущение вообще имеет смысл, то он заключается в том, что историки, сознательно или бессознательно, делают нечто схожее с тем, что делают писатели, — то есть скорее воображают вещи такими, *какими они могли бы быть*, чем репрезентируют их такими, какими они были на самом деле, и что вследствие этого истинность того, что они сообщают, в некотором роде сомнительна. А это означает не просто то, что результаты их исследований *не являются* истинными (и что можно проверить в каждом конкретном случае), но то, что они *обречены* быть неистинными или что установить их истинность или ложность в принципе невозможно в связи с тем, что историк имеет нечто общее с беллетристом.

2. Знание и воображение

Что же у них общего? По-видимому, способность к воображению. Таким образом, если наша интерпретация первого допущения верна, то оно имеет смысл только в том случае, если верно второе допущение. Способность к воображению противопоставляется знанию, как будто они взаимно исключают друг друга. Знание, понятое как «репрезентация», мыслится в виде пассивного отражения реального мира, просто регистрирующего реальность или сообщающего о том, что в ней есть. Но это наивная и упрощенная концепция знания, которая игнорирует некоторые из самых выдающихся достижений современной философии. Со времен Канта мы признаём, что знание

отнодь не пассивно и что его результат не есть просто копия внешней реальности. Скорее, знание – это деятельность, которая приводит в действие множество других «способностей» человека, например его здравый смысл, суждения, разум и, что особенно важно, способность представлять вещи не такими, какие они есть на самом деле. Тут можно подумать, что объект *воображения* обязательно должен быть *вымышленным*, то есть несуществующим. Но это лишь часть того, что мы понимаем под воображением. В самом широком смысле воображение лучше всего определить как способность видения того, что недоступно непосредственному восприятию. В этом смысле мы способны воображать вещи, которые *были*, или которые *будут*, или *существуют где-то в другом месте*, а также вещи, которые не существуют вообще [10].

Является ли художественная литература плодом воображения? Разумеется, да. Но точно так же можно сказать, что плодом воображения являются и физика, и история, хотя ни та, ни другая не являются плодом *только* воображения. Если историк и прибегает к воображению, то для того, чтобы говорить о том, как и что *было*, а не для того, чтобы создать нечто вымышленное. Различие между знанием и вымыслом состоит не в том, что вымысел использует воображение, а знание – нет. Оно заключается, скорее, в том, что в одном случае воображение, в сочетании с другими способностями, используется для выработки суждений, теорий, прогнозов и в ряде случаев нарративов, повествующих о том, что же представляет, представлял или будет представлять собой реальный мир, а в другом случае оно используется для создания рассказов о персонажах, событиях, действиях и даже о целых мирах, которых никогда не было.

Таким образом, второе допущение, так же как и первое, оказывается при ближайшем рассмотрении несостоятельным. Историки пользуются воображением, – конечно, наряду с другими своими способностями, такими как здравый смысл, суждения, разум, – не для того, чтобы сочинять вымысел, а для того, чтобы утверждать что-либо о реальном мире, в частности, для того, чтобы создавать нарративные тексты о том, что происходило в действительности. Так что же есть в этих текстах такого, что делает их «вымышленными» (в смысле – неистинными), то есть что мешает признать их подлинным знанием? Здесь мы подходим к третьему допущению, которое гласит, что нарратив *никогда* не может дать нам отчет о том, что происходило в действительности, потому что «то, что происходит в действительности», совершенно не укладывается в рамки нарративной формы.

3. Нарратив и реальность

Данная точка зрения, по-моему, представляет собой одно из наиболее глубоких убеждений, которое наши авторы разделяют с позитивистами. Это идея о том, что мир, для того, чтобы заслужить звание «реального», должен быть полностью лишен тех интенциональных, значащих и нарративных свойств, которые мы приписываем ему, когда рассказываем о нем истории. Реальность должна быть лишенной значения последовательностью внешних событий, и время должно быть не чем иным, как цепью «сейчас», а все остальное, что мы им приписываем, это в лучшем случае – фантазия или принятие желаемого за действительное, а в худшем – жульничество или искажение истины. При этом как-то забывают, что история имеет дело не с физическим, а с человеческим миром. Иначе говоря, она ведет речь, в основном, о людях (или группах людей) и их действиях. А для того, чтобы понять последние, их следует рассматривать в связи с намерениями, надеждами, страхами, ожиданиями, планами, успехами и неудачами действующих лиц.

Можно сказать (и я подробно говорил об этом в другом месте [11]), что человеческий мир обнаруживает в самой структуре действия как такового определенную версию нарративной формы. Структура действия, подразумевающая способность предвидеть его результат, является прототипом начально-срединно-конечной структуры нарратива, и можно сказать, что люди

проживают свои жизни, формулируя и разыгрывая истории, которые они имплицитно рассказывают самим себе и окружающим. В этом мире людей само время имеет человеческий характер, и люди придают ему нарративную форму, проживая свои жизни не от мгновения к мгновению, а посредством воспоминания о том, что было, и проектирования того, что будет. И хотя оно несомненно встроено в физический мир и доступно измерениям, человеческое время не тождественно числовому ряду (11, 12 и т.д.) или даже понятиям «до» и «после», «раньше» и «позже» — оно прежде всего есть время прошлого и будущего, ощущаемое и переживаемое сознательными, интенциональными субъектами с точки зрения их настоящего.

А если это так, нарративная форма присуща не только самому процессу рассказывания историй, но и тому, о чем они рассказываются. Те, кто не согласен с этим тезисом, часто подчеркивают, что жизнь нередко настолько беспорядочна и неорганизована, что в ней нет «связности, целостности, полноты и замкнутости» (Хейден Уайт) выдуманных историй: дела идут вкривь и вкось, в них вторгается его величество случай, поступки имеют непредвиденные последствия и т. д. Но эти критики не замечают двух вещей: во-первых, лучшие вымышленные истории повествуют именно о реальности; и лишь самые плохие детективные рассказы или любовные романы обладают свойством уныло-предсказуемой «замкнутости», которую имеет в виду Уайт. Во-вторых, жизнь может быть беспорядочной и неорганизованной, *потому что мы живем в соответствии с нашими планами, проектами и «историями»*, которые часто не сбываются, то есть потому, что она в целом имеет нарративную и темпоральную структуру того типа, который я попытался описать.

Однако подлинное неприятие той точки зрения, которую я обрисовал, проистекает из убеждения, что единственная истинная «реальность» есть физическая реальность. На этом убеждении покоится, как я уже сказал, все здание позитивистской метафизики, но в нем заключается также один из наиболее глубоких предрассудков нашего времени. Так или иначе, но мир физических объектов, находящихся в пространстве и времени, мир того, что можно наблюдать со стороны, описывать и объяснять в терминах механических взаимодействий, а также предсказывать при помощи общих законов, — только этот мир признается реальностью в собственном смысле слова. Все иное — человеческий опыт, социальные отношения, культурные и эстетические сущности — вторично, эпифеноменально и «просто субъективно», и единственно верным способом объяснения этого иного является его привязка к миру физических объектов.

Сегодня, возможно, имеются убедительные метафизические доказательства первичности физической реальности или даже физического объяснения, хотя я не встречал ни того, ни другого. Но эти доказательства все равно не имели бы силы по отношению к тому, что я пытаюсь доказать. Когда люди, обладающие сознанием, действуют в мире, то намерения, замыслы, культурные структуры и ценности (не только их собственные, но и других людей) столь же реальны, сколь и все остальное, о чем мы располагаем знанием. Они реальны в том смысле, который никогда не сможет стать предметом метафизических спекуляций: они *значимы*. В эту картину укладывается даже физический мир, но не просто как сфера объективного. Он представляет собой постоянные фон и сцену, на которых совершаются человеческие поступки, и выступает для людей и сообществ, которые в нем живут, нагруженным экономическими, культурными и эстетическими ценностями. Это не природа «в себе», но природа пережитая, прочувствованная, обитаемая, возделываемая, исследуемая и используемая людьми и сообществами.

Реален он или нереален, более или менее реален в некотором абстрактном метафизическом смысле, — но это именно тот *по-человечески реальный* мир, о котором история и другие формы истинностно-ориентированного, или «нехудожественного», нарратива (например, биография и автобиография) ведут речь. Нарратив соответствует этому миру, потому что нарративные

структуры укоренены в самой человеческой реальности. Историк не должен «вписывать» прожитое время в естественное время с помощью акта наррации, как об этом говорит Рикёр; прожитое время «вписано» туда еще до того, как историк приступает к работе. Рассказывать истории о человеческом прошлом не значит накладывать на него некую чужеродную структуру, но значит продолжать ту самую деятельность, которая образует человеческое прошлое.

Я не хочу сказать, что любой исторический нарратив истинен, или что все нарративы одинаковы и среди них нет хороших и плохих. Я просто не согласен с тем, что нарративы не могут быть истинными *лишь в силу* своей нарративности. Точно так же, когда мы говорили о роли воображения, мы не утверждали, что использование его историками всякий раз оправдано, а лишь подчеркивали, что не всё, созданное воображением, непременно является голым вымыслом. Я не буду здесь пытаться однозначно ответить на вопрос, каким образом мы даем оценку нарративным историческим текстам и как мы различаем среди них хорошие и плохие. Но мы увидим, что под этим может подразумеваться нечто большее, чем просто проверка источников.

III. ПРИМЕР

Сейчас, возможно, пора проверить кое-что из того, что мы сказали, и рассмотреть пример исторического дискурса. Я вполне осознанно выбрал для этой цели отрывок, который некоторые историки могут посчитать крайним случаем. В своей недавно опубликованной работе «Пейзаж и память» Саймон Шама описывает, как сэр Уолтер Рэли планирует гвианскую экспедицию в лондонском Дарем-хаусе:

«Со своего высокого обзорного пункта на северном берегу Темзы, где река делала излучину, Рэли мог видеть прогресс империи: опускавшиеся в воду весла королевской барки, следовавшей из Гринвича в Шин, тесно сгрудившиеся мачты баркасов и галеонов, покачивающихся у причалов, быстроходные голландские суда с широкой кормой, подрагивающие на волнах, лодки с пассажирами, направлявшиеся в театры Саутварка, всю суету и хлопоты черной реки. Но сквозь грязную, с накипью из мусора, воду, плескавшуюся у его стен, Рэли мог разглядеть воды Ориноко, такие же заманчиво перламутровые, как та жемчужина, которую он носил в ухе» [12].

Есть несколько моментов, которые мы должны отметить в этом отрывке: во-первых, он безусловно не является художественным в любом привычном значении этого слова. Он представлен как часть исторического повествования, которое ясно обозначено как историческое с помощью всех общепринятых способов. Для нас это означает, что автор стремится изобразить в данном отрывке нечто, что реально имело место, а не некую вымышленную сцену.

Во-вторых, в этом отрывке имеются некоторые ключевые особенности, которые безусловно могут быть подкреплены историческими свидетельствами: присутствие Рэли в лондонском Дарем-хаусе, когда он планировал свою экспедицию, панорама Темзы, открывавшаяся оттуда, описание судов, которые можно было увидеть на Темзе в то время, даже жемчужина в ухе Рэли. (Я понятия не имею, *имеются* ли на самом деле свидетельства за или против этих фактов, просто есть вероятность найти для них подтверждения в источниках).

В-третьих, здесь явно работает воображение автора, но оно не создает вымышленную сцену, а сводит воедино разные элементы с тем, чтобы изобразить нечто реальное. Шама даже не говорит, что Рэли *видел*, а лишь что он *мог* видеть «всю суету и хлопоты черной реки», открывавшейся с его обзорного пункта. Конечно, как моряк Рэли вряд ли мог не обращать на реку внимания. Однако Шама идет дальше, когда говорит, что представшая перед глазами Рэли насыщенная сцена была «прогрессом империи». Нам это сообщает, самое меньшее, о том, что данная сцена *символизировала* прогресс империи, независимо от того, видел ли ее Рэли именно таким образом или нет.

Конечно, Шама предполагает, что он *видел* ее именно так; и далее, в кульминационной точке фрагмента, что Рэли не только мог, но и на самом деле *видел*, «сквозь грязную, с накипью из мусора, воду» Темзы перед ним, воды Ориноко. Что делает здесь Шама? Он описывает взгляд Рэли на вещи, его душевное состояние такими, *какими они могли бы быть* в определенный момент времени. Выше мы описали «правдоподобную» художественную литературу как изображающую события такими, *какими они могли бы быть*. Разве Шама не делает чего-то подобного? Возможно и так, но опять-таки намерение Шама как историка состоит в изображении реального, и даже более, – весь этот отрывок в целом можно рассматривать как *приведение доводов* в пользу того, что Рэли действительно видел вещи таким образом. Разумеется, эти доводы не окончательны, но они дают нам основание принять описания Шама как соответствующие реальности. Они представляют собой такой тип доказательств – если угодно, отличных от ссылки на источники, но все же доказательств, – которые помогают поверить в его повествование.

Убедительная сила этого фрагмента имеет другой источник, а именно – более обширный нарратив, частью которого он является. Сам по себе данный отрывок описывает лишь то, чем Рэли занимался в Дарем-хаусе. А занимался он планированием экспедиции, и поэтому понятно, что его мысли должны были быть устремлены именно к этой цели. Здесь Рэли изображен как человек в человеческом мире. Окружающие его элементы физического мира не просто воздействуют на него причинным образом; они имеют для него значение, и значение это проистекает из их отношения к тому долгосрочному проекту, над которым он работал. В этом смысле они являются частью того сюжета, который мысленно выстраивает Рэли и который он потом постарается воплотить в жизнь. Именно этот первичный нарратив придает очертания человеческому времени прошлого, настоящего и будущего Рэли. Это нарратив первого порядка, о котором идет речь в нарративе второго порядка, созданном Шамой.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я надеюсь, что изложенные выше рассуждения подводят нас к выводу о том, что различие между художественной литературой и историей, в его общепринятой форме, вполне правомерно и должно быть сохранено. Я постарался показать, что нынешние попытки устранить это различие основываются на ряде заблуждений и несостоятельных молчаливых допущений, касающихся природы художественной литературы, роли воображения в знании и соотношения между нарративом и исторической реальностью. Эти заблуждения и допущения проистекают, как мы видели, из признания «литературного» характера исторического дискурса и из некоторых сомнительных метафизических доктрин, в конечном итоге берущих свое начало в позитивизме или имеющих с ним много общего в отношении взглядов на природу реальности.

Конечно, история является литературным жанром и как таковая имеет много общих черт с художественной литературой, особенно с ее нарративной формой. Кроме того, историки, как и писатели, используют воображение. Однако отсюда не следует, что историческая литература сливается с художественной или что литературные элементы *eo ipso* внедряют ложь в историческое знание или делают невозможным отличить истину от лжи. Историки пользуются этими элементами как раз *для того, чтобы* рассказать правду о событиях, происходивших с людьми в прошлом. Насколько им это удастся в каждом отдельном случае – это другой вопрос, для ответа на который необходимо обращаться к источникам, критериям связности, интуитивному пониманию или к возможностям теории, а также ко многим другим вещам. Но их потенциальная способность достичь успеха не может быть перечеркнута лишь на том основании, что в своих исследованиях они используют воображение и нарративную форму. Воображение и нарратив не являются помехой на пути к исторической истине, напротив – это подходящие средства для ее достижения, поскольку, как я пытался здесь доказать, они укоренены в самой структуре исторической реальности

и природе человеческого времени [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Barthes R. *Historical Discourse / Introduction to Structuralism* (ed. Michael Lane). New York: Basic Books, 1970. P. 145-155. Далее – «HD». [Барт Р. Дискурс истории / Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 427-441].

[2] Mink L. *Narrative Form as a Cognitive Instrument / Historical Understanding* (ed. B. Fay, E. Golob, R. Vann). Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 199.

[3] White H. *The Value of Narrativity in the Representation of Reality / White H. The Content of the Form*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. P. 24.

[4] Ricoeur P. *Temps et récit*. Vols. I-III. Paris: Seuil, 1983-1985. Далее – «TR». [Частичный русский перевод: Рикёр П. *Время и рассказ*. Т. 1-2. СПб., 1999-2000]. Чтобы подчеркнуть, какую именно лексику использует Рикёр, я цитирую фрагменты оригинального французского текста с моим переводом.

[5] О появлении «исторической школы» в Германии см.: Kosellek R. *Historia Magistra Vitae* (P. 31-32) и другие очерки в кн.: *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* (transl. K. Tribe). Cambridge: MIT Press, 1985. См. также: Rüsen J. *Konfigurationen des Historismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.

[6] Классический пример: Hempel C. G. *The Function of General Laws in History* // *Journal of Philosophy*. 1942. Vol. 39. [Гемпель К. Г. Функция общих законов в истории / Гемпель К. Г. Логика объяснения. М., 1998. С. 16-31].

[7] В своей монографии «Время и рассказ» (1:290 и след.) Рикёр пытается показать имплицитные нарративные элементы в тексте, часто рассматриваемом в качестве шедевра ненарративной истории школы «Анналов» – «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» Фернана Броделя.

[8] Searle J. *The Logical Status of Fictional Discourse / Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 65. [Серль Дж. Р. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. # 3. С. 34-47].

[9] Seagrave S. *Dragon Lady: The Life and Legend of the Last Empress of China*. New York: Vintage Books, 1992. P. 11-17.

[10] Sartre J.-P. *The Psychology of Imagination*. New York: Citadel Press, 1963. P. 16. [Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб., 2001. С. 58-68].

[11] Carr D. *Time, Narrative and History*. Bloomington: Indiana University Press, 1986, особенно – части I-III.

[12] Schama S. *Landscape and Memory*. New York: Alfred A. Knopf, 1995. P. 311. Впервые я обратил внимание на этот отрывок благодаря рецензии Кейта Томаса: Thomas K. *The Big Cake* // *New York Review of Books*. Vol. 42, № 14 (September 21, 1995). P. 8.

13. Более краткая ранняя версия этой статьи под названием «История, художественная литература и границы понимания» (History, Fiction, and the Limits of Understanding) появилась в сборнике «Границы понимания: философия и перспективы гуманитарных наук» под ред. Г. Кюне-Бертрам и Г. Шольца (Grenzen des Verstehens: Philosophie und humanwissenschaftliche Perspektiven (hg. G. Kühne-Bertram and G. Sholtz). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht), 2002. P. 247-255.

Перевод с английского Д.В. Рухлядева

[1] Перевод выполнен по изданию: David Carr. *History, Fiction, and Human Time: Historical Imagination and Historical Responsibility* / The Ethics of History (ed. by David Carr, Thomas R. Flynn, and Rudolf A. Makkreel). Northwestern University Press. Evanston, Illinois, 2004. P. 247–260. Copyright © 2004 by Northwestern University Press. All rights reserved. Настоящая статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного Д. Карром в марте 1996 г. на симпозиуме «История и границы интерпретации» в Университете Райса (Хьюстон, США) (см.: Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // *Философия и общество*. 2011, № 1 (61). С. 160–179).

Русское слово как фактор интеграции народов и культур в условиях глобализации

Короткевич Екатерина Валерьевна,
учитель русского языка и литературы средней школы,
Республика Беларусь, г. Могилев
E-mail: Ekorotkevich_ekaterina@inbox.ru

Аннотация:

В условиях глобализации язык становится не только средством коммуникации, но и мощным инструментом культурной интеграции. В статье рассматривается роль русского языка и русской словесности как фактора объединения народов постсоветского пространства и за его пределами. Анализируются историко-культурные аспекты влияния русского слова, его значимость в межкультурном диалоге и сохранении национальной идентичности в условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: русский язык, глобализация, межкультурная коммуникация, интеграция, культура, словесность

Введение

Глобализация сопровождается интенсификацией международных контактов, трансформацией культурных границ и усилением роли транснациональных структур. В этом контексте язык приобретает особую роль — не только как инструмент общения, но и как носитель культурного кода, способствующий интеграции различных сообществ. Русский язык, благодаря своей исторической функции межнационального общения и культурного посредничества, представляет собой уникальный феномен, объединяющий миллионы людей в разных странах.

1.1. Историко-культурные основания интеграционной роли русского языка

На протяжении веков русский язык играл ключевую роль в формировании культурной идентичности как русских, так и представителей других народов, входивших в состав Российской империи и СССР. Образование, литература, научная и общественная мысль развивались преимущественно на русском языке, что создавало общее пространство культурного взаимодействия.

Советская языковая политика, при всех её противоречиях, способствовала широкому распространению русского языка как средства межнационального общения. Он стал языком науки, техники, высшего образования, массовой культуры. Это не только обеспечивало коммуникацию между народами СССР, но и формировало чувство принадлежности к единому культурному пространству.

1.2. Современное положение русского языка в мире

Сегодня русский язык сохраняет статус одного из шести официальных языков ООН и входит в десятку наиболее распространённых языков мира. Он широко используется в странах СНГ (в Республике Беларусь является вторым государственным), Балтии, в русскоязычных диаспорах Европы, Северной Америки, Израиля и других регионов. Возросший интерес к изучению русского языка за рубежом подтверждает его культурную и интеграционную значимость.

1.3. Русская словесность как мост между культурами

Произведения русской классической литературы — Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова — являются не только частью национального, но и мирового культурного наследия. Они затрагивают вечные темы — свободы, нравственности, веры, человеческой судьбы — и находят отклик у читателей разных стран и эпох.

Современные русскоязычные писатели — как проживающие в России, так и в эмиграции — создают произведения, отражающие глобальные вызовы и новые культурные идентичности. Их творчество способствует построению межкультурных мостов, диалога между традицией и современностью, локальным и универсальным.

1.4. Русское слово как фактор интеграции

Русский язык в образовании и науке

Русский язык остаётся языком преподавания во многих вузах стран СНГ и дальнего зарубежья. На русском издаются научные журналы, проводятся международные конференции, существует широкий спектр онлайн-курсов. Это способствует интеграции в глобальное образовательное и научное сообщество.

Русскоязычные СМИ, платформы и блоги создают общее информационное поле для миллионов пользователей. Социальные сети и мультимедийные ресурсы на русском языке способствуют распространению знаний, культуры и ценностей, формируют цифровую идентичность русскоязычного мира.

Заключение

Русское слово, как отражение национального духа и многовековой культурной традиции, играет важную роль в процессе интеграции народов и культур. В условиях глобализации оно остаётся мощным инструментом гуманитарного влияния, средством межкультурного диалога и источником духовного обогащения. Поддержка и развитие русского языка как фактора культурной интеграции требует стратегического подхода, включающего образовательные, культурные и информационные инициативы как на национальном, так и на международном уровне.

Список литературы:

1. Иванов В.В. Русский язык в глобальном мире. — М.: Наука, 2020.
2. Лихачёв Д.С. Размышления о русском слове. — СПб.: Искусство, 1999.
3. Мартынова Е.Н. Язык и культура в условиях глобализации. — Вестник РГГУ, 2021.

Использование искусственного интеллекта для организации этапа активного целеполагания на уроках немецкого языка в начальной и средней школе

Джура Полина Сергеевна

учитель немецкого языка,
ГБОУ СОШ №303,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: p.s.303@mail.ru

Современные федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) второго поколения ориентированы на личностно-ориентированный подход и учитывают возрастные и психологические особенности учащихся. В основе ФГОС лежит деятельностный подход, предполагающий, что учащийся становится активным субъектом образовательного процесса. Одним из важнейших компонентов такого подхода является этап активного целеполагания, который позволяет вовлечь учащихся в постановку целей урока, повысить их мотивацию и осознанность в учебной деятельности. На сегодняшний день существует множество педагогических инструментов, способствующих реализации этого этапа, и все более активно в образовательную практику внедряются технологии искусственного интеллекта (ИИ).

Этап активного целеполагания представляет собой структурный элемент современного урока, на котором учащиеся совместно с учителем или самостоятельно определяют цель своей учебной деятельности. Это способствует формированию метапредметных и личностных результатов, предусмотренных ФГОС. Согласно методическим рекомендациям, целеполагание должно быть деятельным, осознанным и опираться на практический опыт учащихся. При этом особую значимость приобретает создание ситуации познавательного затруднения или интереса, который ученик стремится разрешить в течение урока.

Искусственный интеллект как технология открывает широкие возможности для организации этого этапа в интерактивной, увлекательной и деятельностной форме. Далее рассмотрим конкретные ресурсы и инструменты ИИ, которые могут быть использованы учителем немецкого языка для реализации этапа активного целеполагания.

1. Использование сервиса «Квестодел» для создания ребусов

Сайт <https://questodel.com> позволяет учителю создать визуальные ребусы и головоломки, соответствующие тематике урока. Например, перед уроком по теме «Одежда» («Kleidung») учитель может создать ребус, в котором будут зашифрованы немецкие слова или визуальные образы предметов одежды. Учащиеся, разгадывая ребус, сталкиваются с ситуацией затруднения, которая пробуждает интерес и активизирует мыслительную деятельность. После того как ребус разгадан, дети делают предположения о теме урока и формулируют возможную цель. Таким образом, с помощью ИИ-инструмента создается значимая мотивационная ситуация.

2. Генерация изображений с помощью Шедеврум и Kandinsky

Ресурсы <https://sber.ru/kandinsky> и <https://fusionbrain.ai> позволяют генерировать уникальные изображения по текстовому запросу. Учитель может заранее сгенерировать иллюстрации по ключевым словам урока. Например, к теме «Погода» («Wetter») можно подготовить несколько изображений, отражающих разные погодные условия (дождь, солнце, ветер, снег), не подписывая их. Учащиеся анализируют изображения, называют на немецком языке, что они

видят, и делают предположения, какой теме будет посвящён урок.

Другой вариант — сгенерировать «неожиданные» или фантазийные изображения (например, летающий зонт, человек в пальто на пляже), которые вызывают у учащихся познавательное удивление и способствуют формулированию нестандартных целей, развивая творческое мышление. Работа с изображениями активизирует зрительное восприятие, коммуникативные навыки и позволяет задействовать эмоциональный компонент обучения.

3. Создание видео с помощью InVideo AI

Сервис <https://invideo.io> даёт возможность учителю за короткое время создать видеоролик по заданному сценарию. Например, можно создать короткое видео на тему «Ein Tag in der Schule» (Один день в школе), в котором без прямого указания темы будут показаны ситуации из школьной жизни: звонок на урок, ученик открывает рюкзак, учитель пишет на доске. Учащимся предлагается посмотреть ролик и догадаться, чему будет посвящён урок, формулируя собственные цели.

Кроме того, видео может быть построено как квест: каждый фрагмент содержит подсказку, которую необходимо интерпретировать. Учащиеся обсуждают увиденное, делают гипотезы и приходят к цели урока самостоятельно. Такой формат соответствует требованиям ФГОС по формированию коммуникативной, познавательной и регулятивной УУД (универсальных учебных действий).

Заключение

Таким образом, этап активного целеполагания на уроках немецкого языка может быть эффективно реализован с использованием инструментов искусственного интеллекта. Применение таких ресурсов, как «Квестодел», генераторы изображений (Шедеврум, Kandinsky) и видеоредакторы с ИИ (InVideo AI), позволяет создавать мотивационные ситуации, вовлекать учеников в деятельность, пробуждать интерес и развивать важнейшие метапредметные навыки. Это полностью соответствует требованиям ФГОС и способствует формированию у школьников умения самостоятельно ставить цели и планировать учебную деятельность. Интеграция ИИ в структуру урока делает образовательный процесс более современным, осмысленным и ориентированным на личность учащегося.

Список литературы:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2021.
2. Ваганова О.И., Блинов В.И. Деятельностный подход в образовании. — СПб.: Лань, 2019.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. — М.: Академия, 2006.
4. Сайт квестодел — URL: <https://questodel.com>
5. Генератор изображений Kandinsky — URL: <https://fusionbrain.ai/>
6. Генератор изображений Шедеврум — URL: <https://sber.ru/kandinsky>
7. Видеоредактор с ИИ InVideo AI — URL: <https://invideo.io/>
8. Методические рекомендации по реализации ФГОС. М.: Просвещение, 2020.

К проблеме развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов лингвистических специальностей

Вильковская Елена Владимировна

преподаватель

E-mail: elena.vilkovskaya@gmail.com

Гуд Валентина Гавриловна

ст. преподаватель

кафедра теории и практики английского языка

УО «ГГУ им Ф. Скорины»

г. Гомель, Беларусь

Одной из основных задач преподавания иностранного языка в учреждениях высшего образования является обучение студентов иноязычной коммуникации. Важно развивать у обучающихся общеязыковые, интеллектуальные, когнитивные способности, умственные процессы, которые лежат в основе овладения иноязычным общением, а также эмоции, чувства, готовность к общению, культуру коммуникации.

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся будет более эффективным, если будут учитываться следующие психолого-педагогические содержательные условия:

- учёт целей обучения в процессе обучения иноязычной коммуникации;
- условий формирования и совершенствования языковых, речевых навыков и умений учащихся;
- наличие чётко определенного алгоритма учебных действий субъектов образовательной деятельности в процессе обучения определение психологической готовности испытуемых к изучению иностранного языка в процессе обучения иноязычной коммуникации [4, с. 278].

Знание компьютерных технологий становится требованием к выпускникам высших учебных заведений, которые являются условием определения качества образования. Неслучайно последнее десятилетие отмечено повышенным вниманием к проблеме применения новых, интерактивных методов в учреждениях высшего образования. Речь идёт не только о насыщении вузов новыми техническими средствами, но и новых формах организации учебного процесса, осуществлению новых подходов к личности студента, активизации его творческого потенциала и самостоятельности, которую он должен проявлять в учебный период и во внеучебное время.

Стоит отметить, что в процессе обучения студентов иноязычному общению применяются новые формы обучения, представленные инновационными, организационно-деятельностными и организационно-мыслительными играми, которые в терминологии называются «игровым моделированием». Они призваны обеспечить формирование культуры саморазвития и интеллекта.

Игровое моделирование характеризуется усилением роли мышления в повседневной жизни и стимулированием мотивации учащихся, активной включенностью в игровой процесс [2, с. 28]. Наличие четкой имитационной модели изучаемого процесса, имитация как индивидуальной, так и коллективной деятельности являются специфическими особенностями игровой деятельности. Понятие такой деятельности связано с различного рода мыслительными коммуникациями и отношениями между участниками процесса, целью которых является совместное принятие обоснованных решений или выполнение заранее определенных ролей. В межкультурном

образовании студентов игровое моделирование, как и все игровые формы обучения, представляет собой учебно-игровой процесс, в котором студенты высших учебных заведений придерживаются строгих ролей, выполняют необходимые действия и приходят к решению задач и проблем межкультурного характера. Оно направлено на изучение кросскультурных особенностей мира через познание самого себя, своих особенностей и ощущений.

Как уже говорилось ранее, форма обучающих игр позволяет повысить интерес обучающихся к учёбе и эффективность обучения [1, с. 14]. В литературе по активному обучению игровому моделированию уделяется мало внимания. В наше время данный метод обучения изучен недостаточно, хотя в его основе лежит типология развивающих игр и важные характеристики работы студентов. Несмотря на отсутствие должного развития, упражнения очень распространены в образовательной среде, но это не показывает эффективности внедрения этого метода в педагогическую практику.

Игровой подход к обучению иноязычному общению заключается в построении процесса обучения путём вовлечения обучающегося в игру. Виды интерактивных игр обширны, но наиболее распространёнными среди них являются игры-симуляторы. Как правило, интерактивная игра проводится в четыре этапа:

1. Объяснение (знакомство учащихся с темой, ознакомление с правилами игры).
2. Подготовка игры (определение игровых задач, ролей, представление событий).
3. Основная часть — это игра.
4. Дискуссия.

Среди технологий ситуативного моделирования принято выделять имитационные игры, «упрощенное слушание», ролевые игры [3, с. 7]. Цель ролевой игры — получить знания посредством игры, помочь научиться через опыт и чувства. Через драму студенты учатся анализировать, думать, быть независимыми и нести ответственность. Иногда проведение таких игр требует первоначальной подготовки обучающихся, что способствует развитию знаний.

Использование интерактивных методов в обучении иноязычной коммуникации имеет множество преимуществ. Сюда входит развитие активного мышления, формирование зрелости, высокой работоспособности и умения мыслить. Кроме того, при использовании интерактивных форм можно комбинировать несколько методов обучения. Развитию образовательных навыков способствует метод персонализации, согласно которому программа обучения строится конкретно для определенной группы в целом и для каждого студента в частности. Использование практических методов обучения можно показать на примере проведения дискуссионного занятия по дисциплине: «Практика устной и письменной речи», когда студенты, сидя за круглым столом, выдвигают на первый план одну из идей по проблеме, высказываются и в конце либо должны подтвердить эту идею или опровергнуть ее, расставить приоритеты в пользу другой. Каждому студенту предоставляется возможность высказать свое мнение и быть услышанным однокурсниками. Педагог в данном случае должен не допускать превращения обсуждения в монолог одного обучающегося, оценивать правильность предположений и направлять, если понадобится, в сторону верного ответа.

На подобном практическом занятии обучающиеся взаимодействуют с педагогами и сверстниками, благодаря чему они учатся создавать разного рода дискуссии, высказывать свое мнение, оценивать точность высказываний других людей, следить за ходом групповых дискуссий, спорить и делать собственные выводы.

Так, например, интерактивный метод «Круг идей» предполагает разрешить текущие

конфликты, создать список идей и побудить всех участников к обсуждению проблемы. Это метод групповой работы, при котором все группы работают над одним и тем же заданием, задавая по очереди несколько вопросов. Каждая группа представляет только один аспект обсуждаемой проблемы. Группы по очереди говорят, пока все ответы не будут исчерпаны. Обсуждая тему на доске, записывают необходимые пункты [2, с. 26].

Указанные интерактивные методы обучения иноязычному общению успешно применяются на факультете иностранных языков УО «ГГУ им. Ф. Скорины» при преподавании таких дисциплин как «Практика устной и письменной речи», «Дискурсивная практика», «Лингвострановедение» с целью развития у студентов языковой компетентности и познавательной деятельности.

Таким образом, интерактивное обучение способствует формированию уникального стиля умственной деятельности, исследовательской активности и самостоятельности студентов, развитию иноязычной коммуникативной и профессиональной компетенций.

Литература

1. Бабушкина, Л.Е. Формирование социокультурной компетенции у студентов педвуза при изучении иностранных языков средствами информационно-коммуникационных технологий: монография / Л.Е. Бабушкина. — Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2015. — 145 с.
2. Гилярова, М.Г. Повышение мотивации обучения через использование интерактивных элементов электронных образовательных ресурсов / М.Г. Гилярова // Информатика и образование, 2012. — № 10. — С. 26.
3. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие] / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 124 с.
4. Кохендерфер, Ю. В. Эффективные технологии формирования иноязычной коммуникативной компетенции школьников // Вестник ГУУ. — 2013. — № 2. — С. 278-283.

Локальный inference крупных языковых моделей: производительность, память и применимость

Ниязова Барнонисо Наимджоновна

аспирант 4 курса,
Российский государственный университет имени Косыгина,
г. Москва

Аннотация: Цель данной статьи — провести сравнительный анализ производительности локального инференса крупных языковых моделей, оценить их применимость в задачах пользовательского интерфейса (UI) и автоматического тестирования, а также сформулировать рекомендации по выбору архитектур для запуска без подключения к внешним API. В основе анализа лежит опыт интеграции модели DeepSeek-R1 в систему генерации тест-кейсов UI/API на базе Playwright, с использованием среды MacBook на процессоре Apple M1 с поддержкой Metal Performance Shaders (MPS).

Ключевые слова: тестирование, инструменты тестирования, информационные технологии, веб-приложения.

В последние годы крупные языковые модели (Large Language Models, LLMs) стали краеугольным камнем современных систем искусственного интеллекта. Такие модели, как GPT-4, LLaMA, DeepSeek и их производные, демонстрируют высокую эффективность в задачах генерации, анализа текста, программирования и даже принятия решений. Однако широкое распространение LLM сопряжено с рядом вызовов, среди которых ключевыми являются: производительность при локальном запуске, требования к аппаратным ресурсам, ограничения памяти и применимость в прикладных задачах.

Обзор архитектур и требований

Современные языковые модели отличаются по следующим параметрам:

- Объём модели (число параметров): от 1B до 70B+
- Формат загрузки (FP32, BF16, INT4/8)
- Максимальная длина контекста
- Архитектура: Dense vs MoE (Mixture of Experts)
- Поддержка MPS, CUDA, ROCm, CPU

Таблица 1. Сравнение моделей по требованиям

Модель	Параметров	Формат	Память (RAM/VRAM)	Контекст	Поддержка MPS	Примерная скорость
GPT-2 Large	762M	FP32	~4 ГБ	1024	Да	12–15 токенов/с
DeepSeek-R1-Distill-Qwen-1.5B	1.5B	INT4	~3 ГБ	8K	Частично	10 токенов/с
LLaMA 3 8B	8B	BF16	~16 ГБ	16K	Да (через vLLM)	5–8 токенов/с
DeepSeek-R1	67B	FP32	80–120 ГБ	128K	Нет	

Методика оценки

Для оценки производительности инференса была реализована система генерации шагов тест-кейсов с использованием LLM. Архитектура включает:

- Frontend (HTML) интерфейс для отображения плана тестирования
- Backend на FastAPI с маршрутом /generate-plan, обрабатывающим URL
- Модуль генерации generate_with_deepseek(prompt: str) для обращения к модели
- Вывод результатов в PDF/Excel и в UI

Результаты экспериментов

Эксперименты проводились на MacBook Pro с M1 Pro (32 ГБ RAM). В качестве модели использовался DeepSeek-R1-Distill-Qwen-1.5B, загруженный через transformers и AutoModelForCausalLM.

Таблица 2. Сравнение режимов

Режим генерации	Средняя задержка (сек)	Размер prompt	Использование памяти
API HuggingFace	~3.2	150 токенов	—
Локально (MPS)	~1.1	150 токенов	~2.5 ГБ
CUDA (десктоп)	~0.4	150 токенов	~1.8 ГБ

Пример запроса и генерации

Prompt: «Напиши подробные шаги и ожидания для теста на проверку клика по ссылке с текстом: 'Контакты'»

Ответ (сгенерировано локально):

- Шаг 1 — открыть главную страницу сайта
- Шаг 2 — найти элемент «Контакты»
- Шаг 3 — кликнуть по элементу
- Шаг 4 — проверить, что URL изменился на «/contacts»
- Шаг 5 — убедиться, что отображается заголовок «Контакты»

Ожидание: пользователь должен увидеть страницу с контактной информацией

Анализ применимости и ограничений

Когда локальный запуск оправдан

Локальный инференс крупных языковых моделей становится особенно актуален в следующих случаях:

1. Ограничение доступа к API: например, при разработке в условиях, когда HuggingFace или OpenAI API недоступны из-за географических или сетевых ограничений.

2. Снижение затрат: коммерческое использование API в высоконагруженных системах может обходиться в десятки тысяч рублей в месяц. Локальный запуск (единовременная настройка модели на сервере или ноутбуке) позволяет сократить расходы.

3. Повышенные требования к конфиденциальности: при обработке чувствительных данных (например, генерирование тестов по внутренним CRM или HR-системам) локальный запуск исключает утечку данных на внешние сервера.

4. Воспроизводимость результатов: в ряде исследований важно сохранять контроль над моделью, версией, seed и архитектурой. Это возможно только при локальном инференсе.

Ограничения локального запуска

Несмотря на плюсы, есть и ряд ограничений:

— Задержка старта (cold start): запуск моделей занимает до 30 секунд в зависимости от размера модели и количества VRAM.

— Поддержка железа: даже при наличии поддержки Metal (MPS) на macOS, не все модели могут эффективно работать. Например, некоторые архитектуры не оптимизированы под M1/M2.

— Ограничения по длине контекста: многие модели (например, GPT-2 или Qwen 1.5B) поддерживают контекст только до 2048–4096 токенов, что ограничивает применимость для анализа больших UI-страниц или API-спецификаций.

Выводы

Локальный запуск LLM позволяет создать независимую, автономную систему генерации и валидации UI/API тестов. Он критически важен:

— в закрытых корпоративных сетях,

— при работе с NDA-проектами,

— для оптимизации затрат.

Тем не менее, локальный inference требует точной настройки, знания доступных архитектур (Qwen, DeepSeek, LLaMA) и наличия хотя бы 16–32 ГБ оперативной памяти или GPU.

Главное о локальном инференсе

— Локальный запуск моделей работает — и стабильно на M1/M2, но только с оптимизированными версиями (Qwen, DeepSeek Distill, GPT-2/3).

— DeepSeek-R1-Distill-Qwen-1.5B — хороший баланс: <4 ГБ памяти, быстрый ответ, поддержка сложных шагов.

— Интеграция с тестирующим фреймворком Playwright позволяет автоматизировать UI-покрытие.

— Необходима проверка: не все модели поддерживают корректную генерацию шагов/ожиданий без fine-tuning.

— Формулы расчёта ресурсоёмкости и скорости позволяют подобрать правильную модель под железо.

Список источников:

1. Цзи-Цай Ян, Цзюнь-Лун Хуан, Фэн-Цзянь Ван, Уильям и Ч. Чу. Построение объектно-ориентированной архитектуры для тестирования веб-приложений. Журнал информационных наук и техники, январь 2016.
2. Цзи-Цай Ян, Цзюнь-Лун Хуан, Фэн-Цзянь Ван и Уильям К. Чу. Объектно-ориентированная архитектура, поддерживающая тестирование веб-приложений. Материалы 23-й Международной конференции по компьютерному программному обеспечению и приложениям, Конференция по катионам (COMPSAC '99), страницы 122-127. Компьютер IEEE Общество, 2014.
3. Филиппо Рикка и Паоло Тонелла. Анализ веб-сайта: Структура и эволюция. В материалах 16-й Международной конференции по программному обеспечению техническое обслуживание (ICSM '00), страницы 76-87. Компьютерное общество IEEE, 2017
4. Филиппо Рикка и Паоло Тонелла. Анализ и тестирование веб-приложений. В материалах 23-й Международной конференции по программному обеспечению и инжиниринг (ICSE '01), страницы 25-34. Компьютерное общество IEEE, 2010
5. Филиппо Рикка и Паоло Тонелла. Процессы тестирования веб-приложений. Анналы разработки программного обеспечения, 14:93-114, декабрь 2009 года.
6. Майкл Бенедикт, Джулиана Фрейре и Патрис Годфруа. Veriweb: В материалах 11-й Международной конференции по Всемирной паутине (WWW '02), Гонолулу, США, 2009.
7. Себастьян Эльбаум, Срикант Карре и Грегг Ротермел. В ходе разбирательств 25-я Международной конференции по разработке программного обеспечения (ICSE '03), страницы 49-59. Компьютерное общество IEEE, 2008.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО МАГНИТОМЕТРИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА ЧЕРЕЗ ВОДНЫЕ ПРЕГРАДЫ

Д.И. Кошелев
(МГТ43д-23-01)

Р.В. Загидулин
(д.т.н., профессор)

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Российская Федерация

При техническом диагностировании участков магистрального газопровода (МГ), соответствующих переходам через водные преграды (подводные переходы), определение фактической глубины залегания МГ и определение состояния металла трубы и сварных соединений, осуществляется на основе измерения вариации амплитуды напряженности геомагнитного поля над МГ, регистрируемого при помощи высокочувствительных преобразователей магнитного поля. В докладе описываются и анализируются существующие физические методы и технические средства дистанционного магнитометрического контроля, применяемые для оценки фактического состояния металла (наличие дефектов сплошности и зон концентрации механических напряжений) при технической диагностике подземных и подводных участков линейной части МГ.

Рассматривается математическая модель для расчета напряженности магнитного поля над поверхностью МГ, которая основана на представлении МГ в виде совокупности элементарных магнитных диполей. Математическая модель позволяет выработать оптимальный алгоритм определения глубины залегания МГ, наличия опасных дефектов сплошности вдоль трубопровода на основе цифрового анализа магнитограмм (данных регистрации напряженности геомагнитного поля над МГ) [1]. Магнитограммы, полученные над МГ, содержат также информацию о наличии и залегании посторонних ферромагнитных предметов в области МГ, месторасположении

кольцевых сварных соединений МГ, усредненной (по длине трубы) намагниченности [2]. Показано, что диагностический параметр на основе измерения градиентов напряженности геомагнитного поля, позволяет повысить достоверность оценки глубины залегания МГ. Представлены результаты численных экспериментов, подтверждающих эффективность градиентометрической схемы измерения геомагнитного поля над МГ.

Расчетами установлено, что в диапазоне изменения глубины залегания МГ от 5 м до 10 м:

— величина максимума у-составляющей напряженности магнитного поля МГ составляет от 0.4% до 2% от величины напряженности геомагнитного поля;

— величина экстремума х-составляющей напряженности магнитного поля МГ составляет от 0.2% до 0.8% от величины напряженности геомагнитного поля;

— величина полуширины топографии у-составляющей и расстояние между экстремумами х-составляющей напряженности геомагнитного поля над МГ однозначно связаны с глубиной залегания МГ.

2. Расчетные оценки глубины залегания подводного участка МГ позволяют определить значения амплитудной функции, аномальные изменения которой определяются наличием дефектов геометрии МГ и дефектами структуры металла.

3. Результаты магнитометрического контроля участка МГ «Уренгой-Центр-1», проложенной в заболоченной местности и подводных участков МГ «Починки-Анапа» и «Починки — Изобильное» показали работоспособность метода оценки глубины залегания МГ по параметрам топографии (полуширине и расстоянию между экстремумами) пространственных составляющих геомагнитного поля.

4. Для повышения достоверности результатов магнитометрического контроля подводного участка МГ по топографии пространственных составляющих геомагнитного поля следует:

— применить оптимизированные градиентометрические схемы измерения геомагнитного поля над МГ, которые имеют наилучшие показатели чувствительности и помехоустойчивости;

— осуществлять предварительную цифровую обработку измеренных данных для удаления случайных шумов и восстановления действительных значений геомагнитного поля над МГ.

Список литературы и источников:

1. Гуськов С.С. Методы обработки результатов дистанционного магнитометрического обследования подземных трубопроводов : дис. ... канд. техн. наук : 05.11.13 / Гуськов Сергей Сергеевич. — Нижний Новгород, 2014.— 178 с.

2. Sowerbutts W.T.C. The use of geophysical methods to locate joints in underground metal pipelines / W.T.C. Sowerbutts // Quarterly Journal of Engineering Geology and Hydrogeology. — 1988. — V. 21. — № 3. — P. 273 — 281.

3. Загидулин Р.В., Загидулин Т.Р., Коннов В.В. К вопросу дистанционного магнитометрического контроля стального трубопровода. Часть 1. К измерению напряженности магнитного поля над стальным трубопроводом в геомагнитном поле. — Контроль. Диагностика, 2015, № 1, с.23-32.

4. Загидулин Р.В., Загидулин Т.Р., Коннов В.В. К вопросу дистанционного магнитометрического контроля стального трубопровода. Часть 2. Оценка диагностических параметров стального трубопровода в геомагнитном поле. — Контроль. Диагностика, 2015, № 2, с.13-24.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКТИВОВ В ПАО «РОСТНЕФТЬ»

Бархатова Айдаана Бархатовна,
студентка 2-го курса магистратуры направления «Экономика»
профиль «Бухгалтерский учет и аудит»
Российского университета дружбы народов
Россия

Научный руководитель
Савчина Ольга Владимировна
ст.преподаватель кафедры бухгалтерского учета, аудита и статистики
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Россия

Аннотация. В статье рассматриваются пути повышения эффективности использования активов в ПАО «Ростнефть», одной из ведущих нефтегазовых компаний России. Актуальность темы обусловлена возрастающей конкуренцией на мировом рынке энергетических ресурсов и необходимостью оптимизации управления активами для достижения устойчивого роста и повышения прибыльности компании.

Ключевые слова: эффективность активов, повышение рентабельности, конкуренция, нефтегазовая отрасль, управление активами

WAYS TO INCREASE ASSET EFFICIENCY

IN PJSC «ROSTNEFT»

Barkhatova Aidaana Barkhatovna

A 1st year master's student in Economics

«Accounting and Auditing» profile

Faculty of Economics

Peoples' Friendship University of Russia

Russia

Annotation. The article discusses ways to increase the efficiency of asset utilization in PJSC Rostneft, one of the leading oil and gas companies in Russia. The relevance of the topic is due to the increasing competition in the global energy resources market and the need to optimize asset management in order to achieve sustainable growth and increase the profitability of the company.

Keywords: asset efficiency, profitability improvement, competition, oil and gas industry, asset management

Активы предприятия — это ресурсы, контролируемые предприятием в результате прошлых событий, от которых ожидается получение экономических выгод в будущем. Они представляют собой совокупность имущественных прав, принадлежащих компании и используемых для осуществления ее деятельности.

Введение

В условиях современной экономики, характеризующейся высокой волатильностью цен

на энергоносители, усилением конкуренции и возрастающими требованиями к экологической безопасности, эффективность использования активов становится ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность и устойчивое развитие нефтегазовых компаний. ПАО «Роснефть», являясь одним из лидеров российской и мировой нефтяной отрасли, не является исключением.

Эффективное управление активами позволяет не только максимизировать прибыль и рентабельность, но и обеспечить финансовую устойчивость компании, оптимизировать затраты и повысить инвестиционную привлекательность. В контексте глобальных вызовов и стратегических задач, стоящих перед ПАО «Роснефть», вопрос повышения эффективности использования активов приобретает особую актуальность.

Данная работа посвящена исследованию путей повышения эффективности использования активов в ПАО «Роснефть». В рамках исследования будут проанализированы текущие показатели эффективности использования активов компании, выявлены основные проблемы и резервы, а также предложены конкретные рекомендации по оптимизации управления активами и повышению их отдачи.

Целью работы является разработка практических рекомендаций для ПАО «Роснефть», направленных на повышение эффективности использования активов и, как следствие, улучшение финансовых показателей и укрепление позиций компании на рынке. Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи:

- Провести теоретический анализ понятия «эффективность использования активов» и определить ключевые показатели ее оценки.
- Оценить текущее состояние и структуру активов ПАО «Роснефть».
- Проанализировать показатели эффективности использования активов ПАО «Роснефть» за последние годы.
- Выявить основные факторы, влияющие на эффективность использования активов компании.
- Предложить пути повышения эффективности использования активов ПАО «Роснефть» с учетом специфики ее деятельности и текущей экономической ситуации.

Результаты исследования могут быть использованы руководством и специалистами ПАО «Роснефть» для разработки и реализации стратегических решений, направленных на повышение эффективности бизнеса и обеспечение устойчивого развития компании.

ПАО НК «Роснефть» — лидер российской нефтяной отрасли и одна из крупнейших публичных добычных компаний мира. Основными видами деятельности Компании являются:

- поиск и разведка месторождений углеводородов,
- добыча нефти, газа и газового конденсата,
- нефтепереработка и нефтехимия,
- реализация нефти, газа и продуктов их переработки на территории России и за её пределами и др.

ПАО НК «Роснефть» включена в перечень стратегических предприятий России. Флагманские проекты Компании оказывают стабилизирующее воздействие на национальную экономику, служат драйвером развития нефтегазовой отрасли, фундаментальной науки и передовых технологий. Дочерние предприятия повышают степень экономической устойчивости и социальной защищенности регионов присутствия. Собственные разработки Компании выполняют задачу

обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации.

«Роснефть» считает своими главными задачами обеспечение энергетической безопасности России, эффективную реализацию своих проектов, развитие ресурсного потенциала и рациональное освоение недр при широком внедрении современных технологий и строгом соблюдении норм экологической безопасности. Также к безусловным приоритетам Компании относятся достижение целей устойчивого развития, применение принципов циркулярной экономики и сокращение углеродного следа, забота об окружающей среде для будущих поколений и стимулирование инновационной деятельности.

Анализ структуры активов ПАО «Роснефть» за последние 3-5 лет позволяет оценить:

- Долю основных средств в общей структуре активов (как правило, высокая в силу капиталоемкости отрасли).
- Динамику изменения доли оборотных активов.
- Структуру основных средств (доля бурового оборудования, нефтеперерабатывающих заводов, транспортных средств и т.д.).
- Структуру оборотных активов (запасы сырья, готовой продукции, дебиторская задолженность).

Этот анализ позволяет выявить потенциальные области для оптимизации структуры активов и повышения их эффективности. Необходимо отметить, что структура активов компании обусловлена спецификой нефтегазовой отрасли.

Проведем анализ динамики коэффициента оборачиваемости активов и рентабельности активов ПАО «Роснефть» за последние 3-5 лет. Этот анализ позволит оценить:

- Тенденции изменения показателей эффективности использования активов.
- Сравнить показатели ПАО «Роснефть» со средними показателями по отрасли и с показателями конкурентов.
- Выявить факторы, влияющие на изменение показателей эффективности использования активов (например, изменение цен на нефть, изменение объемов добычи и переработки, инвестиции в новое оборудование).

Снижение коэффициента оборачиваемости активов и рентабельности активов может свидетельствовать о неэффективном использовании активов компании. Анализ факторов, влияющих на изменение этих показателей, позволит определить конкретные направления для повышения эффективности.

Основные направления повышения эффективности использования активов ПАО «Роснефть».

- Оптимизация использования основных средств: Повышение коэффициента использования оборудования, снижение времени простоя оборудования, повышение эффективности технического обслуживания и ремонта.
- Совершенствование управления запасами: Оптимизация уровня запасов сырья, материалов и готовой продукции, снижение затрат на хранение запасов.
- Ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности: Сокращение сроков погашения дебиторской задолженности, улучшение работы с дебиторами.
- Повышение энергоэффективности: Снижение энергопотребления на всех этапах производственного цикла.
- Инновации и технологическое развитие: Внедрение новых технологий и инноваций,

позволяющих повысить эффективность добычи, переработки и транспортировки нефти и газа.

Важно отметить, что реализация предложенных мер требует комплексного подхода и вовлечения всех подразделений компании. Ключевым фактором успеха является поддержка высшего руководства и создание корпоративной культуры, ориентированной на повышение эффективности и инновации.

В заключение следует подчеркнуть, что постоянный мониторинг и анализ показателей эффективности использования активов, а также внедрение современных методов управления являются необходимыми условиями для обеспечения устойчивого развития ПАО «Роснефть» в долгосрочной перспективе. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния цифровизации на эффективность использования активов в нефтегазовой отрасли, а также на разработку моделей прогнозирования потребности в инвестициях для поддержания и модернизации активов компании.

Оптимизация учета и оценки оборотных активов

Бархатова Айдаана Бархатовна,

направление «Экономика»

профиль «Бухгалтерский учет, внутренний контроль и аудит»

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Россия

Научный руководитель

Ботобеков Арстанаалы Ботобекович

и.о.профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита

экономического факультета КНУ им. Жусупа Баласагына

Кыргызстан, г. Бишкек

Аннотация. В данной статье мы рассмотрим вопросы оптимизации учета и оценки оборотных активов предприятия. Анализируются существующие методы учета и оценки, выявляются их недостатки и предлагаются пути совершенствования. Особое внимание уделяется внедрению автоматизации учета и повышения точности оценки оборотных активов, что способствует улучшению финансового состояния предприятия и повышению его конкурентоспособности.

Ключевые слова: оборотные активы, учет, оценка, оптимизация, методы, финансовое состояние, конкурентоспособность

Optimization of accounting and valuation of current assets

Barkhatova Aidaana Barkhatovna

in Economics faculty

Profile «Accounting, internal control and audit»

Faculty of Economics

RUDN University

Russia

Research supervisor

Botobekov Arstanaaly Botobekovich

acting professor, department of accounting analysis and audit ,

faculty of economics

KNU Zhusupa Balasagyna

Kyrgyzstan, Bishkek

Annotation. In this article, we will consider the issues of optimizing accounting and evaluating current assets of an enterprise. The existing accounting and valuation methods are analyzed, their shortcomings are identified and ways of improvement are proposed. Special attention is paid to the implementation of accounting automation and improving the accuracy of current assets assessment, which contributes to improving the financial condition of the enterprise and increasing its competitiveness.

Keywords: current assets, accounting, valuation, optimization, methods, financial condition, competitiveness

Введение

В условиях динамично меняющейся рыночной конъюнктуры эффективное управление оборотными активами приобретает первостепенное значение для обеспечения финансовой устойчивости и конкурентоспособности предприятия. Оптимизация учета и оценки оборотных активов является ключевым элементом данной задачи, позволяющим повысить точность финансовой отчетности, минимизировать риски и максимизировать прибыльность. Оборотные активы — это кровеносная система любого бизнеса. От их эффективного управления напрямую зависит финансовая устойчивость, рентабельность, способность компании оперативно реагировать на изменения рынка. Оптимизация учета и оценки оборотных активов позволяет не только минимизировать риски, но и высвободить значительные ресурсы для дальнейшего развития. Традиционные методы учета оборотных активов часто сталкиваются с рядом проблем, включая сложность точного определения себестоимости запасов, трудности в учете износа быстроизнашивающихся предметов, а также риски не ликвидности дебиторской задолженности. Эти проблемы могут приводить к искажению финансовой отчетности, неэффективному управлению запасами и увеличению финансовых потерь.

Оптимизация учета и оценки оборотных активов является ключевым фактором для повышения эффективности деятельности любого предприятия. Грамотное управление оборотными средствами позволяет не только снизить финансовые риски, но и высвободить капитал для инвестиций в развитие бизнеса. Эффективный учет и оценка оборотных активов обеспечивают прозрачность финансовой отчетности, что повышает доверие со стороны инвесторов и кредиторов.

Оптимизация начинается с детального анализа текущего состояния оборотных активов, включающего оценку структуры, ликвидности и оборачиваемости. Для этого необходимо использовать различные аналитические инструменты, такие как коэффициенты оборачиваемости, ликвидности и рентабельности. На основе полученных данных разрабатываются стратегии управления запасами, дебиторской задолженностью и денежными средствами.

Оценка оборотных активов должна основываться на принципах объективности, осмоторительности и соответствия требованиям международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Правильный выбор методов оценки и регулярный пересмотр стоимости активов позволяют обеспечить достоверность финансовой отчетности и принимать обоснованные управленческие решения. Оптимизация учета и оценки оборотных активов — это непрерывный процесс, требующий регулярного мониторинга и анализа. Необходимо отслеживать ключевые показатели эффективности, такие как оборачиваемость запасов, срок погашения дебиторской задолженности и рентабельность оборотных активов. На основе полученных данных следует корректировать учетную политику, методы оценки и систему управления оборотными активами.

Оптимизация учета и оценки оборотных активов должна быть интегрирована с другими функциями управления, такими как планирование производства, закупки и продажи. Это позволяет обеспечить согласованность действий различных подразделений предприятия и повысить эффективность управления всей цепочкой создания стоимости. Интегрированный подход к управлению оборотными активами позволяет максимизировать прибыльность и обеспечить финансовую устойчивость предприятия.

Политика управления оборотными активами предприятия разрабатывается по следующим основным этапам: Анализ оборотных активов предприятия в предшествующем периоде. На данном этапе рассматриваются динамика общего объёма оборотных активов, используемых предприятием, и динамика оборотных средств, в разрезе основных видов. Анализ состава оборотных активов предприятия по отдельным их видам позволяет оценить уровень их ликвидности. Для оценки эффективности и интенсивности использования оборотных активов рассчитывают показатели рентабельности и оборачиваемости, проводится их факторный анализ. Определение

принципиальных подходов к формированию оборотных активов предприятия. Эти принципы отражают общую идеологию финансового управления предприятием с позиции приемлемого соотношения уровня доходности и риска финансовой деятельности, содействует выбору политики их формирования: консервативный; умеренный и агрессивный. Консервативный подход предусматривает не только полное удовлетворение текущей потребности во всех видах оборотных активов для реализации хозяйственной деятельности, но и создания увеличенных резервов, в случае сложностей с обеспечением сырьём и материалами, ухудшения внутренних условий производства задержки инкассации дебиторской задолженности, активизации спроса покупателей. Умеренный подход направлен на обеспечение полного удовлетворения текущей потребности во всех видах оборотных активов, создание нормальных страховых резервов случае типичных сбоев в деятельности предприятия. При таком подходе достигается среднее для реальных хозяйственных условий соотношение между уровнями риска и эффективности использования финансовых ресурсов. Агрессивный подход заключается в минимизации всех форм страховых резервов по отдельным видам оборотных активов. При отсутствии сбоев в ходе операционной деятельности такой подход к формированию оборотных активов обеспечивает наиболее высокий уровень эффективности их использования, однако любые сбои, действием внутренних или внешних факторов приводят к существенным финансовым потерям из-за сокращения объёма производства и реализации продукции

Внедрение современных технологий, безусловно, влечет за собой пересмотр существующих бизнес-процессов и процедур учета. Необходимо разработать четкие регламенты и инструкции, учитывающие особенности новых технологий и обеспечивающие соответствие требованиям законодательства. Важно также обеспечить интеграцию новых систем с существующими учетными системами, чтобы избежать дублирования данных и обеспечить целостность информации.

особое внимание следует уделить вопросам аналитического учета оборотных активов. Аналитический учет позволяет получить детальную информацию о структуре оборотных активов, их движении и эффективности использования. На основе данных аналитического учета можно принимать обоснованные управленческие решения, направленные на оптимизацию запасов, повышение оборачиваемости дебиторской задолженности и улучшение финансовых показателей компании. Важно разработать систему показателей, отражающих ключевые аспекты управления оборотными активами, и регулярно анализировать их динамику.

Повышение квалификации персонала, участвующего в процессе учета оборотных активов, является необходимым условием успешной оптимизации. Сотрудники должны обладать знаниями в области бухгалтерского учета, налогового законодательства и информационных технологий. Важно регулярно проводить обучение и переподготовку персонала, знакомить их с новыми методами и технологиями учета. Мотивированный и квалифицированный персонал является залогом точности и надежности учетной информации.

Эффективная система внутреннего контроля является важным элементом управления оборотными активами. Система внутреннего контроля должна обеспечивать сохранность активов, предотвращать злоупотребления и обеспечивать достоверность учетной информации. Важно разработать процедуры контроля, охватывающие все этапы учета оборотных активов, и регулярно оценивать их эффективность. Независимая проверка системы внутреннего контроля позволит выявить слабые места и разработать меры по их устранению.

Улучшения использования оборотных средств с развитием предпринимательства приобретает все более актуальное значение, так как высвобождаемые при этом материальные и денежные ресурсы являются дополнительным внутренним источником дальнейших инвестиций. Рациональное и эффективное использования оборотных средств способствует повышению финансовой

устойчивости предприятия и его платежеспособности. В этих условиях предприятия своевременно и полностью выполняет свои расчетно —платежные обязательства, что позволяет успешно осуществлять коммерческую деятельность. В конечном итоге, эффективная оптимизация учета и оценки оборотных активов позволяет не только повысить финансовую устойчивость предприятия, но и создать конкурентные преимущества. Благодаря более точной информации о запасах, дебиторской задолженности и других оборотных активах, компания может принимать более обоснованные управленческие решения, оптимизировать затраты и повысить прибыльность.

Важным аспектом является и разработка системы ключевых показателей эффективности (KPI) для оценки результатов оптимизации учета оборотных активов. KPI должны отражать цели и задачи, поставленные перед компанией, и позволять отслеживать прогресс в достижении этих целей. Регулярный мониторинг KPI поможет выявить проблемные области и своевременно принять меры по их устранению. При выборе программного обеспечения для учета оборотных активов необходимо учитывать специфику деятельности компании и ее потребности. Важно выбрать систему, которая будет легко интегрироваться с существующими учетными системами и соответствовать требованиям законодательства. Также следует обратить внимание на наличие технической поддержки и возможность адаптации системы под меняющиеся потребности бизнеса.

В заключение, оптимизация учета и оценки оборотных активов является ключевым фактором для обеспечения финансовой устойчивости и эффективности деятельности любого предприятия. Корректное отражение информации об оборотных средствах в бухгалтерском учете позволяет не только соблюдать требования законодательства, но и предоставлять руководству компании точные данные для принятия обоснованных управленческих решений. Внедрение современных методов учета, таких как автоматизация процессов и использование специализированного программного обеспечения, значительно повышает точность и оперативность получения информации об оборотных активах. Это, в свою очередь, способствует более эффективному управлению запасами, дебиторской задолженностью и денежными средствами. Особое внимание следует уделять выбору методов оценки оборотных активов, поскольку это напрямую влияет на финансовые показатели предприятия. Использование метода ФИФО, ЛИФО или средней стоимости должно быть обосновано спецификой деятельности компании и целями, которые она преследует. Грамотный выбор метода оценки позволяет минимизировать налоговые выплаты и оптимизировать финансовый результат.

В конечном итоге, оптимизация учета и оценки оборотных активов способствует повышению рентабельности, ликвидности и финансовой устойчивости предприятия. Это позволяет компании более эффективно использовать свои ресурсы, снижать риски и уверенно развиваться в условиях конкурентной среды. Системный подход к управлению оборотными активами, включающий в себя регулярный анализ, планирование и контроль, является залогом успешной деятельности предприятия в долгосрочной перспективе.

Для заметок:

